

МУЖЕСТВО ГУМАНИЗМА

В ТЕЧЕНИЕ четырех дней Пловдивский театр имени Н. Масалитинова показал в Москве три спектакля. Казалось бы, совсем немного, но они были настолько различны, самобытны и принципиальны, что позволяют судить об основных направлениях художественных поисков талантливого коллектива из Болгарии.

«Я вижу солнце» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе — пятьдесят пятая советская пьеса, поставленная театром за тридцать лет. Она повествует о жителях грузинского села в годы войны, о красоте человеческой

души. Режиссер П. Пантелеев отказался от экзотических подробностей грузинского быта во имя более глубокого постижения существа человеческих характеров и происходящих событий. Образ Хатии (М. Драгоманская) — хрупкой, слепой девочки, с ее по-детски ясным и сложным внутренним миром, стал эмоциональным камертоном спектакля, который отмечен рядом актерских удач.

Пьесе Ибсена «Нора», героиня которой приходит к пониманию, насколько ограничена и унизительна ее роль красивой игрушки в доме мужа, преуспе-

вающего директора акционерного банка, режиссер Л. Гройс читает с позиций высокой нравственности. Актер Г. Васильев раскрывает многообразие и утонченность проявлений обывательской сущности и, в конечном счете, аморальности лощеных добродетелей Хельмера. Театр серьезно, художественно исследует его как опасную антиобщественную силу.

Сосредоточенный и глубокий талант Ц. Маневой значительно укрупняет ибсеновскую Нору. Если в иные времена вопрос о том, вернется она к мужу или нет, еще дебатировался, то спектакль пловдивцев отвечает решительно и определенно — нет! «Чудо из чудес», на которое надеется Хельмер, театр

берет в иронические кавычки.

Третий спектакль — по роману «Дядюшки» И. Вазова. Он рассказывает о времени, когда турецкое владычество в Болгарии было уже подточено, подходило к концу. И оттого предметом сатирического исследования крупнейшего болгарского классика стали обыватели, которые не прочь потолковать о политике, о родине и свободе. Но обывательские порывы к свободе ничтожны и трусливы. Недаром только при виде турецкого бая или даже при одной мысли о нем неудержимый, фантазмагорический страх охватывает их.

Режиссер И. Добчев смело пользуется приемами сгущения, гиперболизации, открыто обра-

щается к выразительным средствам народного балаганного театра. Но есть силы, противостоящие этому миру. Хаджи Ахил в исполнении Г. Биалова, от имени которого ведется повествование, как бы выражает и боль за судьбу своей страны, и горькую насмешку над пустопорожней жизнью обывателей. За всем этим просвечивает глубокая тема родины и идея свободы.

Итак, мы увидели три совершенно разных спектакля, позволяющих нам говорить о широте художественных поисков театра. Но главное, что объединяет все спектакли, это гуманистическая вера в человека и зрелость гражданской позиции театра.

Вячеслав ИВАНОВ.

11 НОЯ 1975

ИЗВЕСТИЯ
Г. МОСКВА